

Одна из любимых тем историков и популяризаторов науки — тема детерминированности ее поступательного движения. Каждое фундаментальное открытие неуклонно готовится всем предшествующим ходом развития науки. Поэтому, когда наступает время такого открытия, оно может быть сделано синхронно или почти синхронно разными учеными, работающими совершенно независимо друг от друга.

Логарифмы были впервые придуманы в 1614 г. шотландцем Дж. Непером, а спустя шесть лет их еще раз придумал швейцарец И. Бюрги. Кислород был открыт в 1774 г. Дж. Пристли, а в 1777 г. — В. Шееле. Первая неевклидова геометрия, построенная Н. И. Лобачевским, увидела свет в 1829 г., а в 1832 г. такую же геометрию построил Я. Больяй. Алгебра логики была разработана Дж. Булем и А. Де Морганом в одном и том же году (1847). Теория эволюции биологических видов тоже была сформулирована дважды на протяжении одного (1858) года — Ч. Дарвином и А. Р. Уоллесом. Периодическая таблица химических элементов была закончена Д. И. Менделеевым в 1869 г., а через год идентичная таблица была опубликована Ю. Л. Мейером.

Эти параллели имеют успокаивающий и убаюкивающий эффект: если не один, так другой ученый получил бы важный для науки результат, причем приблизительно в то же самое время, так что в целом ее продвижение все равно было бы обеспечено.

Увы, в истории науки чересчур хорошо известны прецеденты другого рода.

Во-первых, мысль гениального ученого иногда настолько опережает свою эпоху, что остается непонятной современникам. Тогда новаторство наталкивается на сопротивление научной среды. Так было с геометрией Н. И. Лобачевского. Ее естественное вхождение в науку было заторможено нетерпимостью, консерватизмом, осторожностью, а иногда да и просто научной трусостью выдающихся математиков того времени. В России признание к нему пришло только в 1870 г. — через два года после того, как итальянский математик Э. Бельтрами открыл псевдосферические поверхности, на которых реально осуществляется эта геометрия, через 14 лет после смерти Н. И. Лобачевского и через 44 года после его эпохального открытия. Это стало источником личной трагедии Н. И. Лобачевского. История науки оказывается не только «драмой идей», но и драмой творящих ее людей. При этом сама наука тоже несет урон: всякий раз, когда фундаментальный результат осваивается с большим опозданием, научный прогресс надолго задерживается.

Во-вторых, научное новаторство может прийти в противоречие с официальной идеологией, поддерживаемой мощью государственной власти. Такой конфликт — намного разрушительней для личных судеб ученых, для науки в целом, для морального и физического здоровья общества. Недавние прецеденты слишком хорошо известны, чтобы еще раз к ним возвращаться и перечислять потери, которые понесло наше общество в результате насильственного вмешательства государства в агрономию, биологию, микробиологию, физиологию, физику, математику.

Хорошо известно, что этой общей судьбы не избежала и филология. Достаточно вспомнить гибель Д. И. Поливанова и Н. Н. Дурново, лагерную судьбу Д. С. Лихачева, ссылку В. В. Виноградова, В. И. Сидорова,

М. И. Бахтина, возглавленную Ф. П. Филиным расправу со многими московскими лингвистами в 70-е годы.

Среди тех, кто получил полную меру гонений, запрещений и непризнания, был Игорь Евгеньевич Аничков — ученый настолько же интересный, насколько мало известный широким кругам лингвистов. В его научной и человеческой судьбе переплелись самые разнородные факторы. Историкам лингвистики еще предстоит написать его подробную научную биографию и оценить интеллектуальный и моральный ущерб, который понесла наша наука в результате того, что основные теоретические работы И. Е. Аничкова в своем первоизданном виде и полностью выходят в свет только сейчас¹. Задача данной статьи состоит в том, чтобы представить только одну теоретическую концепцию И. Е. Аничкова — концепцию идиоматики².

Идиоматику, которая никак не связана с идиоматичностью в традиционном понимании, И. Е. Аничков считал своим главным детищем. Это была в высшей степени оригинальная, стройная и глубокая теория, намного опережавшая свое время. В разделах 2 и 3 она будет изложена подробно, а здесь достаточно сказать следующее.

Идиоматика И. Е. Аничкова — это общее учение о сочетаниях *с л о в*, в отличие от синтаксиса — учения о сочетаниях *ф о р м с л о в*. В рамках идиоматики рассматриваются любые сочетания слов, начиная со «свободных» и кончая «неразложимыми» (если пользоваться позднейшей и, в общем, чуждой И. Е. Аничкову терминологией). Главную задачу идиоматики И. Е. Аничков видел в классификации словосочетаний, но не по степени идиоматичности, а по их внутренней («частеречной») структуре, по их внешним синтаксическим функциям и по их значениям; в последнем случае особенно ценным И. Е. Аничков считал установление отношений синонимии между словосочетаниями и словами.

В своих основных чертах идиоматика была разработана к 1925 году (Идиоматика-2, с. 40, 44). В 1927 г. И. Е. Аничков написал по-французски небольшой текст, озаглавленный «Idiomatique et sémantique» (первый в списке работ, перечисленных в примеч. 1). Этот текст был послан А. Мейе, который в январе 1928 г. откликнулся на него коротким письмом (Идиоматика-4, с. 23). В нем, в частности, было сказано: «Пока я смог лишь очень бегло прочитать Вашу работу. В надежде, что у меня появится возможность изложить свои впечатления более детально, я спешу сообщить, что читал ее с живым интересом».

Мы не располагаем никакими свидетельствами того, что А. Мейе возвращался к тексту И. Е. Аничкова. Может быть, он просто не сумел оценить его по достоинству. Во всяком случае он не предпринял никаких шагов для того, чтобы помочь его опубликовать.

¹ Имеются в виду следующие рукописи: 1) *Idiomatique et sémantique* (Mémoire présenté à A. Meillet, 1927) — в дальнейшем Идиоматика-1; 2) Идиоматика в ряду лингвистических наук (1937) — в дальнейшем Идиоматика-2; 3) Проблема частей речи — в дальнейшем ЧР-1; 4) Можно ли считать проблему частей речи решенной — в дальнейшем ЧР-2; 5) Слово как лингвистическое понятие — в дальнейшем Слово; 6) Очерк советского языкознания — в дальнейшем Очерк. Впоследствии основные идеи этих работ, большие их фрагменты или скатые изложения были опубликованы. См., например [1—7]. Поскольку, однако, круг идей, касающихся идиоматики, изложен в рукописных работах полнее и, главное, раньше, а наш интерес в данной статье по преимуществу исторический, мы будем опираться именно на рукописи.

² Тем самым речь пойдет по преимуществу о первых двух из упомянутых в примеч. 1 работ. Из них же извлечены и некоторые биографические детали. Другие работы И. Е. Аничкова используются лишь в той мере, в какой они проливают свет на проблемы идиоматики.

Второй фактор, сыгравший определенную роль в научной судьбе И. Е. Аничкова, — более низменного свойства. Приблизительно в то же время И. Е. Аничков обратился с просьбой о поддержке к Н. Я. Марру. Н. Я. Марр высказался по поводу его работы с гораздо большим энтузиазмом и определенностью, назвав ее «ценным вкладом в одну из важнейших областей семантики» и похвалив за «свежесть темы и жизненность» (Идиоматика-2, с. 58). И. Е. Аничкову был даже обещан кабинет идиоматики в Институте языков и литературы Запада и Востока, где Н. Я. Марр был руководителем лингвистического отделения. Как пишет И. Е. Аничков, «намечавшаяся коллективная работа по предложенному мною методу не была развернута по причинам неакадемического характера» (Идиоматика-2, с. 59). Автор к этому времени был отправлен в Соловки, а статья «Идиоматика», без упоминания его имени, была опубликована Н. Я. Марром в Большой Советской энциклопедии (Очерк, с. 9).

По-видимому, и после возвращения из мест заключения И. Е. Аничков какое-то время оставался одиозной фигурой. Иначе нельзя объяснить ни такой частности, как оттяжка на семь лет защиты кандидатской диссертации (в 1944 г. вместо 1937), ни того более принципиального факта, что И. Е. Аничков так и не занял подобающего ему положения в нашей науке. Сам И. Е. Аничков утверждает, что отголоски некоторых его идей можно найти в той классификации словосочетаний, которая принята в первой Академической грамматике русского языка (Очерк, с. 48—49). Независимо от того, в какой степени это верно, следует признать, что лингвистическая теория И. Е. Аничкова как таковая не оказала заметного влияния на развитие лингвистики и лексикографии. Об этом можно только сожалеть, потому что будь она усвоена вовремя, крутой поворот в отечественной лингвистике и лексикографии, на наших глазах меняющий их лицо, мог бы начаться значительно раньше.

2

Изложение лингвистической теории И. Е. Аничкова разумно начать с того, как он представлял язык в целом и номенклатуру лингвистических наук.

И. Е. Аничков мыслил язык как многоуровневую иерархическую структуру, хотя самого термина «уровень» или какого-либо аналога этого термина он не употреблял. Подтверждением того, что ему было свойственно «уровневое» мышление, является предложенная им иерархически упорядоченная номенклатура лингвистических наук: фонетика $\Rightarrow$ морфология $\Rightarrow$ синтаксис $\Rightarrow$ идиоматика $\Rightarrow$ семантика. «В этом ряду, — писал И. Е. Аничков, — порядок неизменен. Предшествующие науки подготавливают последующие, и последующие пользуются данными предшествующих» (Идиоматика-2, с. 30). Та же мысль содержится и в написанной десятью годами раньше Идиоматике-1. Замечательно, как эта мысль развивается дальше: «Однако в указанном ряду не только последующие науки предполагают предшествующие, но и предшествующие в некоторой мере предполагают последующие и заимствуют из них данные. Можно только утверждать, что в последующих науках в большей мере используются данные предшествующих наук, чем наоборот» (там же, с. 31).

Можно возразить, что само по себе представление о языке как иерархии уровней неоригинально. Оно содержится, по крайней мере имплицитно, в традиционном способе упорядочения лингвистических дисциплин

от фонетики через морфологию к синтаксису. С другой стороны, уровневая идеология была явно сформулирована (правда, на 15—20 лет позже) американскими дистрибутивистами (Б. Блок, Ю. Найда, Дж. Трейджер, З. Харрис, Ч. Хоккет и др.).

Даже если принять эти возражения в полном объеме, надо будет признать следующие заслуги И. Е. Аничкова в учении об уровневой иерархии языка.

1) В отличие от традиции и от американских дистрибутивистов И. Е. Аничков включает в число уровней не только придуманную им идиоматику, но и семантику, о которой в то время никто не думал как о серьезной лингвистической дисциплине.

2) Ортодоксы дистрибутивизма настаивали на том, что структура языка строго иерархична и что единицы каждого последующего (более высокого) уровня строятся целиком из единиц предшествующего уровня (например, синтаксические конструкции — из морфем). Отсюда вытекает один из важнейших методологических принципов дистрибутивизма: при описании единиц данного уровня нельзя пользоваться единицами последующего уровня.

Гипноз этой заведомо ложной посылки и авторитет вытекающего из нее принципа были столь велики, что понадобилась растянувшаяся на полтора десятилетия дискуссия, чтобы отказаться от них и допустить возможность «челночного» описания единиц разных уровней³. Тем удивительнее тонкость и «мягкость» формулировки И. Е. Аничкова: «Можно только утверждать, что в последующих науках в большей мере используются данные предшествующих наук, чем наоборот». Таким образом, концепция жесткой лингвистической иерархии И. Е. Аничкова предвосхищала самые плодотворные идеи дискуссии о взаимоотношениях между уровнями за 20 лет до ее начала. В некоторых существенных деталях она даже шла значительно дальше этой дискуссии (см. об этом ниже).

3) И. Е. Аничков считал, что фонетика, морфология, синтаксис, идиоматика и семантика — не только пласты языковой и лингвистической иерархии, но и точки зрения, с которых должен анализироваться «любой отрезок любого текста или живой речи»: «Любой участок речевого потока имеет свою идиоматику, как он имеет свои фонетику, морфологию, синтаксис и семантику» (Идиоматика-2, с. 10; то же и в Идиоматике-1). При этом единицы каждого пласта, в том числе и идиомы (в аничковском смысле), не местами вкрапливаются в речевой поток, а заполняют его сплошь.

Всегда трудно интерпретировать чужую мысль, тем более мысль, удаленную от нас на пять-шесть десятилетий и изложенную на устаревшем и неточном языке. Неизбежно возникает соблазн ее модернизации. И все же трудно отделаться от впечатления, что эту мысль И. Е. Аничкова, с учетом его же концепции лингвистической иерархии, отделяя от уровневой идеологии современных лингвистических моделей не более чем один шаг⁴.

Действительно, взглянем на следующую схему, помещенную на с. 10 Идиоматики-2:

³ См. критику принципа «жесткой иерархии» в [8—13].

⁴ Мы имеем в виду прежде всего модель «Смысл ↔ Текст». См. [14]. Из числа других моделей такого рода упомянем интерпретирующую семантику (Дж. Кати, П. Постал, Дж. Фодор, Н. Хомский), генеративную семантику (Дж. Лаков, Дж. МакКоли и др.), надежную грамматику (Ч. Филлмор и др.), стратификационную грамматику (С. Лэмб), «лексикалистскую гипотезу» (Р. Джекендофф).

Фонетика Морфология Синтаксис Идиоматика Семантика

Рис. 1.

Из этой схемы и тезиса И. Е. Аничкова о «неизменном порядке» лингвистических наук можно сделать вывод, что, по его мнению, каждый отрезок речевого потока должен быть последовательно описан с точки зрения фонетики, морфологии, синтаксиса, идиоматики и семантики. Если бы И. Е. Аничков добавил к этому, что каждая из перечисленных лингвистических дисциплин должна располагать наборами правил, строящих соответствующий образ (транскрипцию) для данного отрезка речевого потока, то получилась бы вполне корректная аналогия с уровнями представления и компонентами модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Тогда в аничковской идиоматике, которая является связующим звеном между собственно синтаксисом и семантикой, можно было бы видеть прообраз глубинно-синтаксического компонента этой модели.

Отметим еще одну поразительную параллель. В модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» формальные представления соседних уровней относятся друг к другу как план выражения (означающее) и план содержания (означаемое). Например, в паре «морфологическое представление предложения» — «поверхностно-синтаксическое представление предложения» первое является планом выражения для второго, а второе — планом содержания для первого. Это и понятно. Морфологические категории (в первую очередь падежи) действительно являются средством выражения синтаксических отношений между словоформами в предложении [Ср. различие между прямым дополнением и косвенным дополнением (или обстоятельством) в словосочетаниях *делать топор* и *делать топором*, выраженное противопоставлением винительного и творительного падежей.]

Сравним с этим следующие формулировки И. Е. Аничкова: «Идиоматика во многом относится к семантике как морфология к синтаксису; идиоматика может быть признана второй морфологией..., а семантика — вторым синтаксисом... Лучше сказать, синтаксис может быть признан первой семантикой» (Идиоматика-2, с. 24). Эти формулировки имеют поистине пророческое звучание.

4) И, наконец, еще одна ипостась иерархии лингвистических дисциплин — динамическая и историческая. Выстроив ряд «фонетика — морфология — синтаксис — идиоматика — семантика», И. Е. Аничков пишет: «В таком порядке лингвистические науки должны излагаться. В таком порядке они создавались и создаются» (Идиоматика-2, с. 32).

Несколькими строками раньше И. Е. Аничков замечает, что ряд лингвистических наук — не прямая линия, а спираль. На с. 19 Идиоматики-1 и с. 33 Идиоматики-2 эта спираль развития лингвистических наук представлена «динамической схемой», на которой она расчленена на пять секторов — по числу лингвистических наук (см. рис. 2). Каждая наука представлена в своей описательной, сравнительной, исторической и общей ипостаси, причем предполагается, что каждая предшествующая ипостась

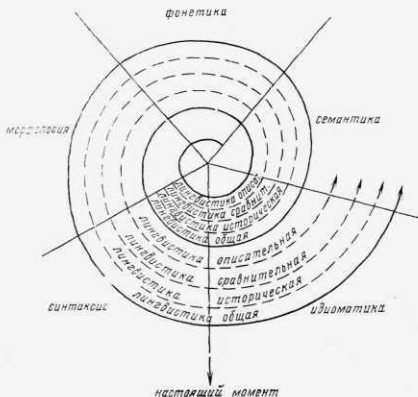

Рис. 2.

в этом ряду является фундаментом для последующей ⁵. Спираль начинается с крохотного сектора фонетики, за которым идут все более крупные по площади сектора морфологии, синтаксиса, идиоматики и семантики, с повторением этого цикла на каждом новом витке спирали. «Спираль одновременно двояким движением... разворачивается в направлении против движения часовой стрелки и вращается вокруг своего центра в направлении по движению часовой стрелки; в каждый данный момент конец ее всегда находится против одной и той же неподвижной точки, означающей настоящий момент. Продолжение спирали изображает развитие лингвистики, а вращение ее — поступательное движение времени (Идиоматика-2, с. 33).

Эта схема, являющая собой удивительный сплав научной мысли и поэтического воображения, поражает своей лаконичностью, емкостью и глубиной. Это — гигантская графическая метафора, не только обобщающая реальную историю лингвистики, но и открывающая неисчерпаемые возможности новых интерпретаций. Не будем их перечислять, чтобы не лишать читателя удовольствия самому всмотреться в эту схему и обнару-

⁵ «Каждая наука должна и может быть осуществлена сначала в плане описательном и только после того — в планах сравнительном и историческом. Не надо спешить с сравнением. Прежде чем сравнивать, надо рассмотреть сравниваемое. Прежде чем говорить об изменениях, необходимо всмотреться в изменяющееся» (Идиоматика-2, с. 31). Впрочем, и в этом случае предшествование не абсолютно: «Если описательная лингвистика должна предшествовать систематической сравнительной, то из предварительных единичных ориентировочных сравнений выясняется, на что обращать внимание при описании» (Идиоматика-2, с. 32).

жить скрытые в ней возможности. Перефразируя А. А. Потебню, можно сказать, что она представляет собой форму, которую каждая новая эпоха развития науки будет наполнять своим содержанием⁶.

3

Рассмотрев в целом уровневую перахрию языка и лингвистики, остановимся подробнее на том, как И. Е. Аничков мыслил содержание идиоматики и двух смежных с ней наук — синтаксиса и семантики.

Под идиоматикой, как уже было сказано, И. Е. Аничков понимал «науку о сочетаниях слов», в отличие от синтаксиса — «науки о сочетаниях форм слов». Объектами идиоматики являются идиомы; это — общий термин для любых словосочетаний, начиная с тех, которые обычно считаются свободными, и кончая пословицами и поговорками.

Чтобы по достоинству оценить новизну и смелость этих положений И. Е. Аничкова, необходимо представить исторический фон, на котором они были выдвинуты, и концептуальную среду, в которой ему пришлось их отстаивать.

Историческим фоном для идиоматики была фразеология, основы которой были заложены Ш. Балли в начале XX столетия в его «Очерке французской стилистики» [16], вышедшем первым изданием в 1908 г. В 40-е годы концепцию Ш. Балли поддержал всей силой своего личного авторитета В. В. Виноградов [17—19], за которым, после лингвистической дискуссии 50-го года, стоял и авторитет государственной власти. Обновленная В. В. Виноградовым фразеология и стала той средой, в которой суждено было жить идиоматике И. Е. Аничкова. Сопоставим идиоматику и фразеологию по ключевым для обеих позициям. Для этого нам придется воспроизвести ряд общезвестных положений Ш. Балли и В. В. Виноградова.

1) И для Ш. Балли, и для В. В. Виноградова онтологически самой глубокой и теоретически самой важной является граница между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами. По В. В. Виноградову, свободные словосочетания суть сочетания слов, а фразеологические единицы — в большей или меньшей мере эквиваленты или аналоги отдельных слов. Первые свободно организуются в процессе речи, а вторые лишь воспроизводятся в ней в готовом виде. Поэтому свободные словосочетания должны изучаться в синтаксисе, а фразеологические единицы — в стилистике (по Ш. Балли) или фразеологии (по В. В. Виноградову).

В противовес этому И. Е. Аничков утверждает, что в языке нет абсолютно свободных словосочетаний, а есть только словосочетания более или менее связанные. «Обычному мнению о необходимости всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов, — писал И. Е. Аничков, — я противопоставляю положение об устойчивости и уловимости сочетаний слов. Ни одно слово не может вступить в сочетание с любым другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным числом других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» (Идиоматика-2, с. 5—6). Эта мысль в разных вариантах повторяется и в других работах И. Е. Аничкова. Вот как она развивается на конкретном мате-

⁶ В [15], рассматривая жанр притчи, А. А. Потебня говорит, что всякая притча — всего лишь форма, которую время каждый раз наполняет новым содержанием. По мысли А. А. Потебни, ценность притчи, как и любого другого поэтического произведения, определяется, в частности, степенью разнообразия допускаемых ею интерпретаций.

риале в работе середины 50-х годов: «Непостоянные компоненты словосочетаний являются переменными в известных пределах. Эти пределы иногда узкие, иногда очень широкие. Но они подлежат установлению и всегда могут быть установлены. Никогда, ни в одном случае... переменным компонентом словосочетания не может быть любое слово, относящееся к соответствующей части речи. Человек или животное может *видеть* любой воспринимаемый зрением предмет или любую часть или любой признак такого предмета, может *видеть* любое воспринимаемое мысленным взором явление, например, ошибку, изменение и т. п., но не может *видеть* что угодно, например, не может *видеть* звук или вкус или запах или время или что-либо ничем внешним образом не обнаруживаемое переживание или пожелание» (Слово, с. 22—23).

Вывод о том, что все словосочетания в большей или меньшей мере несвободны и что, следовательно, все лексические значения в большей или меньшей мере связаны, т. е. обусловлены семантическим, лексическим, синтаксическим или иным контекстом, был сделан независимо от Н. Е. Аничкова, но на 40 лет позже его [20].

2) По мысли Ш. Балли и В. В. Виноградова, основная задача фразеологии как лингвистической дисциплины состоит в разработке классификации устойчивых словосочетаний по степени идиоматичности.

Ш. Балли делил все устойчивые словосочетания на два класса — фразеологические единства и фразеологические серии. Фразеологические единства — это идиоматичные устойчивые словосочетания, в которых смысл целого мотивируется не буквальным смыслом компонентов, а образным смыслом всего словосочетания. Ср. франц. *tourner les talons* «бежать, удирать» (букв. «поворачивать пятки») или русск. *держать нос по ветру* «беспринципно менять свои взгляды в соответствии с изменяющимися обстоятельствами». Во фразеологических сериях смысл целого выводим из смысла компонентов. Немотивированной в них является лишь сама комбинация лексических элементов. Свою мысль Ш. Балли иллюстрирует следующим классическим примером: по-французски говорят *gravement malade* «тяжело больной», но *grièvement blessé* «тяжело раненый». Нельзя сказать (по Ш. Балли) **gravement blessé* и *grièvement malade*. Данный сочетаемостный запрет немотивирован, потому что *gravement* и *grièvement* значат, в сущности, одно и то же.

В. В. Виноградов развил эту классификацию в трех направлениях. Во-первых, наряду с фразеологическими единствами и сериями (переносимыми в сочетания), он выделил еще один класс устойчивых оборотов — фразеологические сращения. Они представляют собой последнюю стадию в семантической эволюции фразеологической единицы, отличаясь даже от фразеологических единств полной утратой образной мотивации своего значения, ср.: *бить баклуши*, *съесть собаку на чем-либо*. Во-вторых, В. В. Виноградов выделил набор формальных признаков (неизменность грамматических характеристик компонентов, их словопорядка и лексического состава, отсутствие синтаксического согласования и управления между компонентами, наличие омонимов среди свободных словосочетаний и т. п.), которые являются различительными для трех классов фразеологических единиц. Фразеологические сращения дают наибольшее количество плюсов по этим признакам, а фразеологические сочетания — наибольшее количество минусов. Наконец, в-третьих, В. В. Виноградов связал классификацию типов словосочетаний с классификацией типов лексических значений. В частности, он выделил класс фразеологически связанных значений, формирующих фразеологические

сочетания; ср.: *Ужас* <злость, зависть, досада> берет, но не **Испуг* <гнев, ревность, раздражение> берет, хотя возможно *Испуг* <гнев, ревность, раздражение> охватывает (кого-л.).

Идеи В. В. Виноградова оказали исключительно сильное влияние на развитие теоретической фразеологии в нашей стране. По крайней мере в течение десятилетия фразеологи занимались лишь тем, что дополняли эту классификацию и переносили ее на материалы других языков. В этих условиях примечательно постоянство, с которым И. Е. Аничков отстаивал свои принципы классификации идиом.

По мысли И. Е. Аничкова, главная классификация словосочетаний должна строиться не на основе семантического признака большей / меньшей идиоматичности, а на основе структурных признаков частей речи и их типичных синтаксических функций. Она должна разворачиваться в направлении от структурно наиболее простых ко все более сложным классам.

Идея структурной простоты и сложности, в свою очередь, опиралась на развитую И. Е. Аничковым иерархическую концепцию частей речи. В ней главное деление проходило между самостоятельными и служебными словами. Наиболее самостоятельными И. Е. Аничков считал существительные, затем глаголы, затем прилагательные и, наконец, наречия. К числу служебных слов он относил предлоги и союзы (Идиоматика-2, ЧР-1, ЧР-2)⁷.

Структурно наиболее простыми И. Е. Аничков считал двусловные идиомы, в состав которых входит одно самостоятельное слово и одно служебное слово. Структурная сложность нарастает по мере увеличения числа компонентов идиомы и увеличения в ее составе количества самостоятельных слов. В результате выстраиваются ряды типа: (1) *думать о, вредный для, позожий на, согласный с, связанность к*; (2) *в основе, на ногах, по мере*; (3) *поспешное решение, гробовое молчание*; (4) *стрелка часов, клоч шерсти, жерло орудия*; (5) *горячо одобрять, крепко спать*; (6) *смертельно бледный, ослепительно белый*; (7) *фонтан бьет, лошадь скачет*; (8) *следовать курсом, подхватить простуду, получить отказ*; (9) *залезать в долги, падать в обморок, поступать на службу*⁸; (10) *глух как пень, бледен как полотно*; (11) *пить как извозчик, спать как убитый*; (12) *лить крокодиловы слезы, строить воздушные замки*; (13) *ходить по острию ножа, сидеть между двух стульев*; (14) *новая метла чисто метет, воды глубокие мирно текут*; и т. п.

Каждый такой класс идиом может далее разбиваться на все более мелкие подклассы по выполняемым идиомами синтаксическим функциям. Скажем, идиомы вида «предлог + существительное» [класс (2)] разделяются на адъективные [ср. *(тетрадь) в клетку*], адвербиальные [ср. *(сделать) по ошибке*], препозитивные [ср. *по отношению (к чему-л.)*] и т. п.

⁷ Любопытно, что И. Е. Аничков не выделял в особые части речи местоимения и числительные. Местоимения распределялись у него между существительными (*он, никто, это*), прилагательными (*такой, этот*) и наречиями (*туда, там*). В класс прилагательных были включены и порядковые числительные. Что касается количественных числительных, то они сближались с существительными. В этом отношении номенклатура частей речи, предложенная И. Е. Аничковым, была похожа на классическую схему Ф. Ф. Fortunatova [21] и предвосхищала систему частей речи, принятую в академических Грамматике-70 и Грамматике-80.

⁸ Эти примеры свидетельствуют, в частности, о том, что И. Е. Аничков угадал глубинное сходство между явлениями синтаксического управления и чисто лексической фразеологизации, представленной во фразеологических сочетаниях. Выбор управляемой формы при данном управляющем слове так же мало мотивирован, как выбор слова X для выражения определенного значения при слове Y.

В свою очередь, адъективные идиомы, в соответствии с двумя основными синтаксическими функциями прилагательных, делятся на атрибутивные [ср. (*тетрадь*) в клетку, (*пальто*) на вате] и предикативные [ср. (*Он*) на свободе]; предикативные идиомы делятся далее на непредложные (на свободе) и предложные (на короткой ноге с кем-л.)⁹.

Акцентирование структурной первоосновы классификации в работах И. Е. Аничкова не значит, что он совершенно исключал возможность классификации словосочетаний по степени идиоматичности. Не считая этот признак достаточно надежным для основополагающей классификации, он, тем не менее, выделял среди идм. дв. класса фразеологизованных словосочетаний («идиоматизмов» в собственном смысле слова). Первый из них по существу совпадает с классом фразеологических серий Ш. Балли и фразеологических сочетаний В. В. Виноградова. Что касается второго класса, то в него И. Е. Аничков включал пословицы и поговорки. Их он понимал очень широко, относя к ним все образные клише, или, говоря словами Ш. Балли и В. В. Виноградова, фразеологические единства. Ср. его примеры *прыжок в неизвестность, лить крокодиловы слезы, почивать на лаврах, сидеть между двух стульев* и т. п.

Таким образом, классификация идм. И. Е. Аничкова в значительной мере, хотя и не полностью, включает в себя классификации фразеологических единиц Ш. Балли и В. В. Виноградова. Трудно сказать что-либо еще о ее сравнительной теоретической ценности, поскольку вообще неясно, имеют ли таксономии серьезный теоретический статус. Несомненно однако, что в приложениях, особенно лексикографических, именно классификация И. Е. Аничкова могла бы сыграть большую роль. Не случайно принятые сейчас в толковой и специальной двуязычной лексикографии способы упорядочения речений-иллюстраций, неважно — свободных, фразеологически связанных или идиоматичных, почти в точности соответствуют принципам, провозглашенным И. Е. Аничковым. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на последовательность классов (1) — (14) на с. 112. Более того, по степени идиоматичности современные лексикографы выделяют не более двух классов фразем — фразеологические сочетания (они помещаются под самыми большими номерами в корпусе значений) и фразеологические единства в м е с т е с фразеологическими сравнениями (они помещаются за ромбом).

3) Как мы уже сказали, И. Е. Аничков не придавал принципиального значения классификации словосочетаний по степени идиоматичности и, следовательно, не имел оснований специально заниматься классом фразеологических сочетаний. Тем не менее в лингвистическом понимании их природы он продвинулся дальше своих современников.

⁹ Многие разряды этой классификации И. Е. Аничков сопровождает пронизательным комментарием. Он обнаруживает лингвистическую зоркость на детали, удивительную у ученого, который мыслит столь широкими и общими категориями. Показательны в этом отношении тонкие замечания о семантической дифференциации атрибутивных и предикативных функций у некоторых прилагательных и адъективных идм. Так, можно сказать *рама велика*, но не **великая рама* (*великий* в значении «большой по размеру» употребляется только предикативно). *Винт хорош* значит «годен по размерам», а *хороший винт* обозначает более общую похвалу. Излагая классификацию глагольных идм., И. Е. Аничков отмечает, что у них могут быть управляющие свойства, не выводимые из управляющих свойств их компонентов. Словосочетание *искружить голову кому-л.* в целом требует дополнения в детальном падеже, по аналогии с глаголом *покажется*. Ни глаголу *кружить*, ни существительному *голова*, взятым по отдельности, этот тип управления не свойствен. Ср. также *точить зубы на кого-л.*, по аналогии с *сердиться на кого-л.* «Здесь предлога на требует не глагол *точить* и не существительное *зубы*, а именно сочетание *точить зубы*» (Идиоматика-2, с. 18).

Это следует из самого способа их группировки, особенно рельефно представленного в Идиоматике-1. Там даны, в частности, следующие ряды фразеологических сочетаний: *круглый дурак, закадычный друг, трескучий мороз, окладистая борода, жидкая борода, крутой нрав; твердо обещать, крепко призадуматься, плотно наесться, отказать наотрез, работать усердно, спать крепко; туго набитый, кровно обиженный, несметно богатый; глух как стена, глуп как пробка, пьян как сапожник; спать как убитый, боятся как огня, метаться как угорелый; сдержать слово, отдать приказание, подать пример, посещать лекции, исполнить обещание, нанести обиду; дождь идет, снег падает, слух носится, восстание вспыхивает, разговор угасает.*

Аналогичные группировки даны и на материале французского и английского языков (которыми, кстати сказать, И. Е. Аничков владел как родными): франц. *un succès éclatant* «блистательный успех», *une nouvelle renversante* «сногшибательная новость», *un grand silence* «гробовое молчание», англ. *a bitter wind* «пронизывающий ветер», *a heavy rain* «проливной дождь», *a flat denial* «решительный отказ, категорическое опровержение»; франц. *sourd comme un pot* «глух как пень», *pâle comme un linge* «бледен как полотенце», *ivre comme un Polonais* «пьян как сапожник», англ. *as regular as clockwork* «точный как часы», *as cold as charity* «холодный как лед»; франц. *taire un secret* «хранить тайну», *essuyer un refus* «получить отказ», англ. *to attend lectures* «посещать лекции», *to overcome a difficulty* «преодолеть трудность», *to keep a promise* «сдерживать обещание», *to break a promise* «нарушить обещание»; франц. *une blessure cuite* «рана печет, щиплет», *une fontaine joue* «фонтан бьет», англ. *a storm is raging* «буря бушует».

Мы специально выписали так много примеров, чтобы показать неслабость принципа объединения сочетаний в группы. В одну группу И. Е. Аничков включает словосочетания вида $X + Y$. Слово X почти во всех приводимых им примерах имеет одно и то же общее значение (например, значение высокой степени), причем лексический способ его выражения обусловлен словом Y . Показательно в этом отношении следующее рассуждение: «мы с немцами говорим *большая ошибка* (*ein grosser Fehler*), французы — *толстая ошибка* (*une grosse faute*), а англичане — *плохая ошибка* (*a bad mistake*), мы — *твердо обещать*, французы — *обещать абсолютно* (*promettre absolument*), англичане — *обещать верно* (*to promise faithfully*), немцы — *крепко обещать* (*fest versprechen*) и т. д.» (Идиоматика-2, с. 2).

Иногда значение X -а в пределах одной группы примеров слегка варьируется, но в очень узком диапазоне пар антонимичных значений (*окладистая — жидкая борода*). Еще реже оно получает аспектуальные или фазовые надбавки типа начинательности (*восстание вспыхивает*), финитности (*разговор угасает*) и т. п.

Нетрудно заметить, что лингвистическая интуиция вела И. Е. Аничкова по тому пути, в конце которого 40 лет спустя было сделано одно из самых замечательных теоретических и лексикографических открытий последнего времени — открытие лексических функций [22, 14]. В частности, в цитированном выше материале И. Е. Аничкова представлены лексические функции Magn и Anti Magn, Oper₁ и Real₁, Func₀, IncepFunc₀ и FinFunc₀. Сама однородность классов привлекаемых к рассмотрению примеров показывает, как близок был И. Е. Аничков к открытию лексических функций.

4) Выведа свободные словосочетания из сферы синтаксиса и передав их в ведение идиоматики, И. Е. Аничков как последовательно мыслящий

ученый неизбежно должен был задаться вопросом, какая проблематика остается на долю синтаксиса. Его ответ на этот вопрос нам уже известен: предметом синтаксиса являются сочетания форм слов. «С точки зрения синтаксиса... *часы спешат* не отличается от *часы идут* и даже от *часы думают, слушают, плачут*. Эти последние группы, как бы бессмысленны они ни были, ни в коей мере не нарушают синтаксических норм» (Идиоматика-1, с. 1).

В этом рассуждении нетрудно обнаружить основную идею того, что тридцать лет спустя Н. Хомский назвал «автономным синтаксисом» [10] и что составило эпоху в развитии теоретической мысли в этой области. Н. Хомский, как известно, разграничил понятия синтаксической и семантической правильности предложений. Грубо говоря, предложение синтаксически правильно, если в нем соблюдены все грамматические согласования и правильно выбраны предложно-падежные формы при управляющих словах. От синтаксически правильного предложения не требуется, чтобы в нем были выполнены еще и семантические согласования. Предложение *Бесцветные зеленые идеи яростно сняты* бессмысленно, однако грамматически безупречно. Следовательно, правила построения («порождения») синтаксических конструкций могут быть сформулированы независимо от правил их лексического заполнения и семантической интерпретации.

Любопытно еще одно совпадение — характер примеров, послуживших И. Е. Аничкову и Н. Хомскому основанием для определения предмета синтаксиса. Скромные примеры И. Е. Аничкова — *Часы думают, слушают, плачут* — по существу вполне сопоставимы с только что процитированным знаменитым, породившим огромную литературу примером Н. Хомского.

Известно, что установки автономного синтаксиса в результате длительной и бурной дискуссии были признаны большинством лингвистов неосновательными. Синтаксис оказался чувствительным к лексико-семантическим классам слов, что впоследствии признал и сам Н. Хомский [23]. Однако из этой дискуссии и теоретический синтаксис, и общая лингвистическая теория вышли окрепшими и обогащенными новым знанием¹⁰. Нам остается только гадать, как пошло бы развитие лингвистики, случись подобная дискуссия на 30 лет раньше.

5) Остается выяснить, как И. Е. Аничков мыслит соотношение между идиоматикой и семантикой.

И. Е. Аничков не предложил собственной концепции семантики, но очень ясно обозначил свои ориентиры — М. Бреалья и П. М. Роже [29, 30] (первое издание книги П. М. Роже вышло в 1852 г.).

У М. Бреалья И. Е. Аничков заимствовал определение семантики как «науки о значениях», справедливо заметив, что после М. Бреалья «эта формула подвергалась двукратно ухудшению. Стало обычным определять семантику, как науку о значениях слов, и нередко можно встретить определение ее, как науки об изменениях значений слов. Последний вариант подсказан не изжитым еще в лингвистике, несмотря на критику де Соссюра, ... дурным историзмом, относящим рассмотрение языка в его современном состоянии или в определенную историческую эпоху... к „школьной“ или „практической грамматике“» (Идиоматика-2, с. 27). Возвращение к формуле М. Бреалья означало для

¹⁰ Ее конструктивным результатом как раз и явились те новые направления трансформационализма, которые были упомянуты в примеч. 4. См., в особенности [24—28].

И. Е. Аничкова представление о семантике как науке о значениях слов и и д о м, т. е. разного рода словосочетаний, в их синхронном состоянии.

Это еще не современное понимание семантики. Сейчас семантикой называется наука о значениях л ю б ы х содержательных единиц языка (лексем, фразем, граммем, синтаксических конструкций) и о п р а в и л а х, по которым из значений этих элементарных единиц складывается смысл целых высказываний. Несомненно, однако, что из всех существовавших в его время альтернатив И. Е. Аничков выбрал ту, которая в перспективе оказалась оптимальной.

У П. М. Роже И. Е. Аничков заимствовал представление об основной задаче описательной семантики. По Роже, она сводится к идеографической классификации слов и словосочетаний данного языка. Однако это общее представление И. Е. Аничков существенно детализировал и уточнил.

Первое уточнение касается оснований классификации: они должны быть чисто лингвистическими, а не логическими, психологическими или социологическими, как того хотели соответственно А. Дармстетер, В. Вундт и А. Мейе (Идиоматика-1, с. 17; Идиоматика-2, с. 28, 57). С другой стороны, они не могут быть априорными, как у П. М. Роже и Ш. Балли, а должны быть чисто эмпирическими и «выясняться по мере работы на основании наличного языкового материала» (Идиоматика-2, с. 27). Последнее замечание представляется нам весьма проникательным: априорность обесценила не только семантическую классификацию Ш. Балли, но и многие последующие классификации [31].

Второе уточнение касается классифицируемых единиц. Объектом классификации является не слово или словосочетание в целом, а каждое их значение в отдельности. «Слово или словосочетание, имеющее разные значения, должно встречаться в системе столько раз, сколько оно имеет значений» (Идиоматика-2, с. 25). Иначе говоря, многозначное слово или словосочетание в разных значениях должно попадать в разные семантические классы. С другой стороны, слова и словосочетания, имеющие одинаковые или близкие значения и одну и ту же синтаксическую функцию, должны попадать в один класс. Классификация в целом должна описывать, в частности, два главных семантических отношения между лексическими единицами: отношения синонимии и полисемии. Эту свою мысль И. Е. Аничков иллюстрирует следующим примером: английский фразовый глагол *fall out* имеет три значения: «выпасть (из чего-л.)», «поссориться» и «случиться». В первом значении он попадает в класс *fall out, come down* «упасть», *tumble down* «упасть, повалиться»; во втором значении — в класс *quarrel* «сориться», *fall out, part company* «расстаться, порвать отношения»; в третьем — в класс *happen* «случаться, происходить», *occur* «встречаться, попадаться, случаться», *fall out*.

Принцип выбора отдельного значения, а не всей вокабулы, в качестве объекта классификации настолько естествен, что кажется почти тривиальным. Чтобы оценить его нетривиальность и смелость, необходимо иметь в виду, что даже в словарях синонимов, выходивших через 30 и 40 лет после работ И. Е. Аничкова, объектом описания оставались целые слова и притом только слова. Это справедливо в отношении таких авторитетных синонимических словарей, как словари Бенака, Дудена и Вебстера [32—34].

В последнем из них рассматривается, например, следующий синонимический ряд: *mend, repair, patch, rebuild*. Глагол *mend* представлен в нем тремя значениями: 1) «ремонттировать, чинить» (одежду и т. п.), 2) «усовер-

шенствовать, исправлять» (манеры, поведение), 3) «заживать» (о ране). *Repair* включен в ряд тоже в трех значениях: 1) «ремонттировать» (машину и т. п.), 2) «восполнять» (недостатки образования и т. п.), 3) «совершенствовать» (отношения и т. п.). *Patch* представлен даже четырьмя значениями: 1) «чинить» (халат и т. п.), 2) «спасать от краха» (брак и т. п.), 3) «собирать из отдельных частей или деталей» (автомобиль и т. п.), 4) «составлять неполное представление на основе отрывочной информации» (о чьей-л. жизни и т. п.). Наконец, *rebuild* представлен двумя значениями: 1) «отстраивать заново, восстанавливать» (здание и т. п.), 2) «переплывать» (пишущую машинку).

Лишь в двух словарях синонимов [35, 36], изданных на рубеже 60-х годов, этот недостаток решительно преодолевается.

Третье уточнение касается понимания термина «phrase» в словаре П. М. Рोजе. В соответствии с господствующей терминологической практикой того времени, этот и другие идеографические и синонимические словари (включая и только что упомянутый словарь З. Е. Александровой) относили к числу «фраз» только идиоматичные словосочетания. Это, конечно, расширяет прежние представления о синонимии, потому что в синонимические ряды отныне включаются, наряду со словами, еще и фраземы. Ср., например, *бить, лупить, давать таску, драть как сидорову козу; вымысел, выдумка, басня, плод фантазии, бабьи сказки; жаловаться, сетовать, плакаться, плакать в жилетку; заступаться, защищать, брать под защиту, поднимать голос в защиту, стоять горой*. Однако даже такие ряды не могут исчерпать синонимической (перифрастической) системы языка, так как свободные или почти свободные словосочетания, синонимичные отдельным словам, по-прежнему остаются за их пределами.

И. Е. Аничков делает новый шаг в сторону более полного описания синонимической системы языка. Развита им теория идиом дает ему возможность рассматривать в качестве объектов классификации не только фраземы, но и свободные словосочетания. В результате весь этот материал занимает свое место в синонимических рядах. Ср. его примеры: *ватное (пальто) — (пальто) на вате, свободен — на свободе, дружны — в приятельских отношениях* наряду с *бежать — показывать пятки, далеко — на краю света — у черта на куличках — за тридевять земель* и т. п. Конечно, от таких рядов до обнаружения принципиально нового класса перифрастических отношений и формулировки алгебры перифразирования предстояло еще пройти большой путь¹¹. Но, как известно, путь даже в тысячу миль начинается первым шагом, и этот шаг довелось сделать именно И. Е. Аничкову.

4

Опережая свое время в одних отношениях, И. Е. Аничков оставался его верным сыном в других. Это сказалось, в частности, в том, что ему не удалось преодолеть чисто дефиниционной и классификационной ориентации тогдашней лингвистики. Многим в ту пору казалось, что главная задача синхронической лингвистики состоит в формулировке определений (что такое «слово», «часть речи», «предложение», «член предложения» и т. п.) и в классификации соответствующих объектов. И. Е. Аничков принимал эту установку. В его концепции семантики, например, не нахо-

¹¹ Заслуга открытия этого нового класса перифрастических отношений и формулировки алгебры перифразирования на основе лексических функций принадлежит И. А. Мельчуку и А. К. Жолковскому; см. [22, 14].

дится места для правил взаимодействия значений, хотя некоторые его современники уже догадывались, что такие правила существуют. Л. В. Щерба еще в 1931 г. писал: «Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, — правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [37].

Более того, в концепции И. Е. Аничкова нет места даже для такого традиционного класса правил, как лексикографические толкования. Значения слов и словосочетаний И. Е. Аничков считал «не делимыми и смысловыми единицами (семемами)» (Идиоматика-2, с. 22; разрядка моя. — А. Ю.) Он подчеркивал: «Описательная семантика не должна давать...логических определений» (там же, с. 25); «Не дело семантики давать такие объяснения, как, например, глагола *лаять*: „испускать собачьи звуки“» (там же, с. 26).

Эта позиция тем более достойна сожаления, что Ш. Балли, непосредственный предшественник И. Е. Аничкова, работу которого И. Е. Аничков хорошо знал и ценил, предусматривал в семантике не только самый жанр толкований, но и то, что толкования должны выполняться на особом «интеллектуальном языке-идентификаторе» [16, 38], в котором можно видеть прообраз современных семантических языков [39—42].

И все же, оценивая идеи И. Е. Аничкова в целом, нельзя не признать, что их богатство, глубина и смелость более чем компенсируют встречающиеся в его работах отголоски архаичных представлений.

5

Давно замечено, что в России первопроходцам культуры всегда приходилось нелегко. Достаточно вспомнить страшные мартирологи русской литературы, составленные в свое время А. И. Герценом и Владиславом Ходасевичем. В. Ходасевич так заключает свой список: «Побой, солдатчина, тюрьма, ссылка, изгнание, каторга, пуля беззаботного дуэлянта, не знающего, на что подымает он руку, эшафот и петля — вот краткий перечень лавров, венчающих „чело“ русского писателя» [43, с. 201].

Причины назывались разные. А. И. Герцен склонен был видеть их в особенностях российского государственного устройства, а В. Ходасевич — в пророческом характере русской литературы: пророков всегда и везде побивали камнями.

И. Е. Аничкову выпал похожий жребий. И, видимо, мы не ошибемся, если скажем, что его судьба была предопределена обоими названными факторами — и репрессивным характером тогдашнего государственного аппарата, и пророческим характером его учения.

Сейчас работы И. Е. Аничкова возвращаются к нам. Они вливаются во все расширяющийся поток книг, произведений искусства, научных исследований, впервые увидевших свет после долгого периода каменной ослы. Каждая такая публикация — не только акт восстановления справедливости по отношению к ее автору. Это одновременно и констатация невосполнимых потерь, понесенных обществом, которое не получило жизненно важного интеллектуального и нравственного заряда в момент высшей необходимости.

Время, в которое мы живем, вселяет некоторую надежду на то, что из трагического опыта прошлого будет, наконец, извлечен урок и что рецидивы подобных событий станут невозможны в нашей науке и культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков И. Е. О классификации, определениях и названиях частных языковедческих наук // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 181, Вып. 3.
2. Аничков И. Е. Стилистика, лингвистика и литературоведение // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1959. Т. 189. Вып. 2.
3. Аничков И. Е. Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
4. Аничков И. Е. О так называемых новых частях речи // Некоторые вопросы теории и методики преподавания германских языков. Нижний Тагил, 1964.
5. Аничков И. Е. Идиоматика идиом и идиоматика идиоматизмов (к учению о словосочетаниях) // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.; Л., 1964.
6. Аничков И. Е. Сознательность в обучении иностранным языкам // Программа и тезисы докладов IV Межвузовской научно-методической конференции по актуальным вопросам преподавания иностранных языков. Л., 1966.
7. Аничков И. Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной? // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Л., 1968.
8. Pike K. L. Grammatical prerequisites to phonemic analysis // Word. 1947. V. 3. № 2.
9. Pike K. L. More on grammatical prerequisites // Word. 1952. V. 8. № 2.
10. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
11. Кузнецов П. С. О последовательности построения системы языка // Тезисы конференции по машинному переводу. М., 1958.
12. Halliday M. Categories of the theory of grammar // Word. 1961. V. 17. № 3.
13. Benveniste E. Les niveaux de l'analyse linguistique // Preprint of Papers for the Ninth International congress of linguists. Cambridge (Mass.), 1962.
14. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Rightarrow$ Текст». М., 1974.
15. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. 1905.
16. Bally Ch. Traité de stylistique française. Heidelberg, 1921.
17. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А. А. Шахматов. М., 1947.
18. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
19. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. № 5.
20. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. С. 25.
21. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс лекций, читанных в 1901—1902 акад. году (литографированное издание). С. 68.
22. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19.
23. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
24. Klima E. S. Current developments in generative grammar // Kybernetika. 1965. C. 2.
25. Lakoff G. Instrumental adverbs and the concept of deep structure // Foundations of language. 1968. V. 4. № 1.
26. McCawley J. D. The role of semantics in a grammar // Universals in linguistic theory. N. Y., 1968.
27. Fillmore Ch. J. The case for case // Universals in linguistic theory. N. Y., 1968.
28. Jackendoff R. S. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge. (Mass.) 1972.
29. Bréal M. Essai de sémantique. P., 1897.
30. Roget P. M. Everyman's thesaurus of English words and phrases. L.; N. Y., 1952.
31. Hallig R. and Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. B., 1952.
32. Bénac H. Dictionnaire de synonymes conforme au Dictionnaire de l'Académie française. P., 1956.
33. Der grosse Duden. Bd 8. Vergleichendes Synonymwörterbuch. Mannheim, 1964.
34. Webster's New dictionary of synonyms. Springfield, 1968.
35. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
36. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Евгеньевой А. П. Л., 1970—1971.
37. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // ИАН, 1931. С. 68.
38. Bally Ch. Le langage et la vie. P., 1926.
39. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.
40. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
41. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
42. Wierzbicka A. Lingua Mentalis. Sydney, 1980.
43. Ходасевич В. Кровавая пища // Октябрь. 1988. № 6.